

Освобождение России: отмена крепостного права

"Великие реформы" – это исключительный случай мирного разрешения острого общественного противоречия с ущемлением интересов господствующего сословия.

С переходными состояниями связаны сложнейшие (значит, интереснейшие) задачи не только в физике, но и в истории. За счёт чего произошёл исторический сдвиг, как началось движение? Таков ключевой вопрос данной темы.

И первый из вопросов, требующих ответа – из чего следует, что реформа была необходима? Почему крепостное право не могло продержаться ещё хотя бы несколько десятков лет?

I. Необходимость реформы

Объяснение первое. Война.

В 1853 году победоносным Синопским сражением началась Крымская война. Адмирал Павел Нахимов и его моряки почти без потерь уничтожили турецкий флот. Но за "европейского больного" (Турция) вступились Великобритания и Франция. С весны 1854 года Россия вела войну уже против коалиции. Выяснилось, что тягаться с Западной Европой по части парового флота невозможно. Парусный флот пришлось утопить собственными руками, загорая им вход в Севастопольскую бухту.

Начальником российских войск в Крыму был мастер салонных эпиграмм генерал-адъютант и адмирал светлейший князь Меншиков (тоже Александр, как и его знаменитый прадед). В своих действиях он руководствовался прежде всего стремлением не быть наголову разгромленным. В первом же сражении, на реке Альме (сентябрь 1854 г.) он отступил, не задействуя всех наличных сил, и дал возможность союзникам осадить Севастополь. В октябре под Балаклавой и в ноябре под Инкерманом войска Меншикова пытались снять блокаду, но оба раза безрезультатно и с потерями в несколько раз большими, чем у союзников. Численное превосходство русских войск в этих сражениях не сыграло существенной роли.

Оборона Севастополя превратилась в подвиг солдат, матросов (с затопленных кораблей) и черноморских адмиралов (там они и полегли – Павел Нахимов, Владимир Корнилов, Владимир Истомин). Англичане и французы имели превосходство в артиллерии. Нарезным (дальнобойным) винтовкам осаждающих севастопольцы могли противопоставить лишь гладкоствольные ружья. Не хватало припасов. Железных дорог в стране не было (кроме линии Санкт-Петербург–Москва), все грузы тащили волами по просёлочным дорогам. Телеграфа тоже не было, новости о севастопольских сражениях русский император узнавал из немецких газет.

Севастополь держался почти год и был сдан 28 августа 1855 года. После этого война ещё продолжалась на Кавказском фронте: здесь русским войскам в ноябре 1855 года удалось взять крупную турецкую крепость Карс. С другой стороны, и англо-французский флот совершал неприятные для русского правительства набеги на побережье. Если нападение на Петропавловск-Камчатский удалось отбить, то бомбардировка Финляндии, захват Аландских островов, обстрел Соловецкого монастыря, нападения на причерноморские города остались безнаказанными. Союзный флот стоял в Балтийском море недалеко от Кронштадта, угрожая столице империи.

18 марта 1856 года России пришлось подписать мир под диктовку Европы. Ни одного союзника не нашлось у России, зато Австро-Венгрия прямо поддержала Англию и Францию (угрожая вступлением в войну). Налицо был провал дипломатии, действовавшей до войны по личным указаниям Николая I. Сам он не пережил поражений и умер ещё до сдачи Севастополя.

"Да помнит вечно русская земля,
Как благосклонна к ней была природа
Осьмнадцатого февраля
Тысяча восемьсот пятьдесят пятого года".
(эпиграмма современника)

"Я их люблю, как детей своих: старался, как мог, улучшить их состояние; ежели не во всем успел, то не от недостатка желания, но оттого, что или лучшего не умел придумать, или не мог более сделать". (Из посмертного обращения Николая I к армии).

Современники дружно воспринимали Парижский мир как позорный. России запрещалось иметь на Чёрном море военный флот, крепости и арсеналы ("нейтрализация Чёрного моря"). Россия потеряла Южную Бессарабию, а с ней и контроль над устьем Дуная, текущего через пол-Европы. Туркам возвращались закавказские крепости, взятые у них во время войны.

Образованный помещик Юрий Самарин писал: "Мы сдались не перед внешними силами западного союза, а перед нашим внутренним бессилием... Мы слишком долго, слишком исключительно жили для Европы, для внешней славы и внешнего блеска, и за своё пренебрежение к России мы заплатились утратой именно того, чему поклонялись – утратой нашего политического и военного первенства".

Объяснение второе. Личные убеждения царя.

Старший сын Николая I Александр с младых ногтей готовился быть царём. С девятилетнего возраста его образованием руководил известный поэт Василий Жуковский; один из курсов читал Михаил Сперанский, с 1834 года (с 16-летнего возраста) наследника начали вводить в курс государственных дел. Он присутствовал на заседаниях Сената, Синода, путешествовал по России, знакомился с Европой. Будущий царь председательствовал в секретных комитетах по крестьянскому делу, заменял отца во время его отлучек из столицы. Одним словом, Александр Николаевич прошёл все ступени качественного императорского воспитания. Оно было, по-видимому, достаточно гуманистичным для того, чтобы новый император считал рабство злом. В этом отношении он наследовал традициям Екатерины II, которая определённо высказывалась по этому поводу в наказе Уложенной комиссии. И Павла I, издавшего манифест о трёхдневной барщине. И Александра I с его указом о вольных хлебопашцах. И даже "патентованный крепостник" Николай I, оказывается, в 1847 году призывал смоленских дворян проявить инициативу по части отмены крепостного права. "Я не понимаю, – говорил Николай I, – каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить это иначе, как хитростью и обманом". Эта инициатива пропала после европейских революций 1848–1849 годов.

Александра II не назовёшь кипучей натурой. Он не вникал во всё дотошно, как Пётр, не работал с топором на верфи. Зато послушно соблюдал придворные ритуалы, лишь сетуя брату, что на Пасху надо совершить больше полутысячи "чмокаций". Непосредственной работой при нем занимались другие.

Время от времени царь менял исполнителей: после проведения главных реформ отправил в отставку их разработчиков, вторым человеком в стране стал начальник III Отделения Пётр Шувалов. В 1874 году Шувалов тоже был отправлен в отставку, а через четыре года огромную власть приобрёл Михаил Лорис-Меликов, который до смерти царя, по существу, заправлял всеми делами в государстве.

Не замечен Александр II и в ратных подвигах. Он даже не пытался делать воинственный вид, примазываться к чужим победам. Приехав в 1877 году в Болгарию, где шла осада турецкой крепости Плевны, наблюдал за сражениями со стороны.

Показательна фраза, сказанная им по поводу графа Виктора Панина – консерватора, в 1860 году назначенного на одну из ключевых должностей по разработке реформы: "Его убеждения – это точная копия моих приказаний". Панин был назначен на то место, которое могло бы достаться Николаю Милютину – убеждённому стороннику реформ, но склонному мыслить самостоятельно.

Под конец жизни императора поговаривали, что он хочет сдать командование наследнику и уехать жить "пенсионером" где-нибудь в тихом уютном месте.

В то же время Александр II, по-видимому, осознавал себя как особую политическую силу, как государя, стоящего над всеми сословиями и классами. Из манифеста 19 марта 1856 года в связи с Парижским миром: "Каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всех равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодов своих".

Когда московские дворяне после коронации (30 марта 1856 г.) просили императора успокоить их по поводу подозрительных слухов, вызванных этой фразой (уж не идёт ли речь об освобождении крестьян?!), Александр Николаевич начал отвечать путано, но закончил неожиданно определённо: "Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого; мы живём в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною: следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу".

Объяснение третье. Давление крестьян.

Александр Бенкендорф (глава III Отделения) ещё в 1839 году докладывал царю: "простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же".

Росло число крестьянских волнений: 1-я четверть XIX века – 26 волнений в год, 2-я четверть – 43, 1850-е годы – 101, в том числе 2-я половина 1850-х – 175.

В апреле 1854 года отмечалось массовое бегство крестьян от помещиков в связи с образованием резервной гребной флотилии: прошел слух, что добровольцам дают вольную.

Январь 1855 года – то же произошло в связи с набором ратников в "сухопутное подвижное ополчение". В Киевской губернии для подавления крестьян, желающих записаться в вольные казаки, применялась военная сила. Весной–летом 1856 года толпы крестьян забили дороги в Крым: надеялись, что переселенцы получают свободу. Их возвращали насильно, с применением войск.

Объяснение четвёртое. Либеральный дух.

Фрейлина императрицы Анна Тютчева, 1855 год: "В публике один общий крик против правительства, ибо никто не ожидал того, что случилось. Все так привыкли беспрекословно верить в могущество, в силу, в непобедимость России! Говорили себе, что если существующий строй несколько тягостен и удушлив дома, то он, по крайней мере, обеспечивает за нами во внешних отношениях <...> престиж могущества и бесспорного военного и политического превосходства. Достаточно было дуновения событий, чтобы рушилась вся эта иллюзорная постройка".

Будущий министр внутренних дел Пётр Валуев, 1855 год: "Везде преобладает у нас стремление сеять добро силою. Везде пренебрежение и нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказания. Везде опека над малолетними. Везде противоположение правительства народу, казённого – частному".

Монархист историк Михаил Погодин в ноябре 1854-го пишет царю: "Освободи от излишних стеснений печать <...> Дай средства нам научиться лить такие же пушки, штуцеры и пули, какими бьют теперь враги наших милых детей <...> Мы отстали во всех сознаниях".

Генерал Дмитрий Милютин, приехав в октябре 1857 с Кавказа, зашёл в Военное министерство и "нашёл поразительное явление: стремление к преобразованиям и изобретению чего-либо нового обуюло всех и каждого; хотят, чтобы всё прежнее ломали теперь же, прежде чем обдуманно новое".

Общество охватил дух реформ. Но каких реформ? Что делать?

Сотрудник Морского министерства князь Дмитрий Оболенский: "Со всех сторон посылались в Петербург проекты железных дорог, записки о разных финансовых реформах и улучшениях, о судебных преобразованиях, освобождении крестьян".

Правовед Константин Кавелин, начало 1856 года: "Теперь вопрос об освобождении крепостных – во всех устах; об нём говорят громко, об нём думают даже те, при которых прежде нельзя было намекнуть на погрешительность крепостного права, не произведя в них корч и нервических припадков".

Лондонский эмигрант социалист Александр Герцен (сначала один, затем – при помощи Николая Огарёва) развернул работу Вольной русской типографии. В 1855 году начал выходить литературный альманах "Полярная звезда", печатавший сочинения декабристов – "государственных преступников" николаевского царствования. Летом 1856 года появились "Голоса из России" – сборнички публицистических работ российских граждан, опубликовать которые в России было невозможно. На следующий год началось издание газеты "Колокол": "Приходится звонить в колокол и сказать этому правительству: Стыдно! Пора проснуться! Теперь еще время! Ты можешь мирным путем решить вопрос освобождения крестьян". Герцен и Огарёв звали к действию всё живое в России: "Vivos voco!".

Многие среди российской знати Герцена не любили, считали чем-то вроде изменника. Но запрещённый цензурой "Колокол" читали с жадностью. Читал и царь. Закрепощённая Россия получила свою независимую прессу.

Самые решительные сторонники реформ пытались увлечь других своим примером. Среди тех немногих, кто отпустил на волю своих крестьян – великая княгиня Елена Павловна.

Великая княгиня Елена Павловна (в год воцарения Александра II ей исполнилось 49). Вюртембергская принцесса попала в Россию в 1824 году. Её выбрали в жёны Михаилу Павловичу, младшему брату Александра I. Быстро выучила русский язык, много читала и вообще вечно чему-нибудь училась. Николай I в семейном кругу полушутя говорил о ней: "Наш учёный" ("Le savant de la famille"). При муже она, соблюдая субординацию, мало вмешивалась в дела государственные. Однако, как заметил один из современников, "взгляд её на дела был истинно государственный". Это проявилось после смерти мужа, последовавшей в 1849 году.

Подвижная, живая, мыслящая, отзывчивая, она без конца с кем-то встречалась, кому-то помогала, кого-то подбадривала, что-то устраивала – балы, больницы, приюты, консерватории. Она обсуждала самые разные насущные вопросы с лучшими из министров, с известнейшими профессорами, с учёными и поэтами. Уже в первой половине 50-х годов Елена Павловна была центром притяжения кружка, в котором обсуждались общественные идеи (западнические,

славянофильские). Уже тогда в числе её знакомых оказались все будущие двигатели реформ, включая и великого князя Константина, и Николая Милютина.

В начале нового царствования Елена Павловна загорается мыслью об освобождении крестьян. Желая подать пример другим дворянам, освобождает 15 тысяч крестьян собственного имения. К ней же стекаются частные записки об освобождении крестьян – она передаёт их царю и, как старшая, убеждает нового императора в необходимости реформы.

Применительно к людям из круга Елены Павловны обычно используется определение "либерал". Обычно для второй половины XIX века либерал – это сторонник реформ. Главная черта либералов – приверженность постепенным переменам. Ключевыми являются оба слова: и – переменам (в отличие от консерваторов), и – постепенным (в отличие от революционеров).

II. Разработка реформы.

После того, как московские дворяне неожиданно для себя вынудили императора сделать заявление "лучше сверху, чем снизу", был создан (в январе 1857 года) очередной секретный комитет "для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян". Вошедшие в него чиновники (сами – крупные душевладельцы, такие как Алексей Орлов) воспринимали освобождение крестьян как задачу нескольких десятилетий. Царя это не устраивало, но он не приказал начать разработку в нужном ему духе. Освобождение крестьян он хотел представить как инициативу самих дворян.

Рескрипт Назимову

Дворян стали неофициально подталкивать к тому, чтобы обратиться к царю с соответствующим ходатайством. В конце концов необходимое обращение было получено из Литвы. Ответом царя стал рескрипт виленскому генерал-губернатору Владимиру Назимову от 20 ноября 1857 года. Этим рескриптом царь разрешил создать губернский комитет для обсуждения крестьянской реформы.

Теперь дворянам некуда было деваться. Пришлось отвечать не на вопрос "хотите ли вы освобождения крестьян?" а на вопрос "как вы их хотите освободить?". Рескрипт был опубликован и стал широко известен. "Все встrepенулись, пишет современник, – и с судорожным смирением ждали с минуты на минуту: одни – всех благ земных, другие – всех бед". В декабре литовскому примеру последовали и "самые сообразительные" дворяне центральных губерний, за ними – остальные.

Герцен, прочитав рескрипт Назимову, откликнулся в "Колоколе": "Ты победил, Галилеянин!"

Дело освобождения стало гласным. В феврале 1858 года секретный комитет уступил место Главному комитету по крестьянскому делу. Во главе его в скором времени встал великий князь Константин Николаевич, брат царя.

В.к. Константин Николаевич (возглавил Главный комитет в возрасте 30 лет). Младший брат наследника престола, он готовился к роли морского офицера, и действительно возглавил в 1855 году Морское министерство. Однако он вышел за узкие рамки морского дела и стал одним из лидеров либеральных деятелей 1850-х годов.

Узко специальный, казалось бы, журнал "Морской вестник" немедленно превращается в орган обсуждения всех насущных вопросов страны. Сюда стекаются записки и проекты по всевозможным направлениям. Великий князь собирает в Морском министерстве многих мыслящих людей независимо от направления их деятельности: например, будущий (с 1862 года) министр финансов Михаил Рейтерн во второй половине 1850-х ездил в трёхлетнюю заграничную командировку от Морского министерства для изучения финансовой системы европейских государств.

В 1855–1856 годах Константин Николаевич освободил крепостных крестьян Адмиралтейства.

Константин не из тех, кто кладёт все силы на дело освобождения крестьян. Разработка реформ перемежается в его дневнике с "игрой на фортепиано с жинкой в четыре руки". Но он поддерживает реформаторов и вводит их в высший круг государственного управления.

Дворянские проекты

1858 год – год работы дворянских комитетов. Согласно инструкции, эти комитеты не могли затрагивать условия личного освобождения крестьян (личную свободу царь решил дать бесплатно), зато могли обсуждать размер крестьянских наделов и судьбу их по окончании переходного периода.

Министр внутренних дел Сергей Ланской, подытоживая работу губернских комитетов, отмечал, что они не оправдали ожиданий реформаторов. Дворяне стремились возможно больше сохранить для себя за счёт крестьян. Большинство губернских комитетов высказалось за то, чтобы освободить крестьян без земли. Ведь земля, которой пользуются крестьяне, принадлежит дворянам.

Прямо противоположный пример дала Тверская губерния. Главой комитета здесь был 29-летний предводитель дворянства юрист Алексей Михайлович Унковский. Ещё в декабре 1857 года, немедленно после рескрипта Назимову, он (на пару с другим тверским помещиком Алексеем Головачёвым) подал императору записку о необходимости освободить крестьян с землёй. Эту же идею отстаивал он и в губернском комитете в острой борьбе с консерваторами, и отстоял, при поддержке либеральным большинством (всего в один голос!).

Под давлением консерваторов правительство заколебалось и попыталось было предписать тверичам ограничиться обсуждением вопроса о выкупе усадьбы. Тогда делегация во главе с Унковским в октябре 1858 года настояла на приеме у министра внутренних дел и отстояла свои права. Ещё раньше Унковский добился права публиковать материалы тверских обсуждений и рассылать по другим губерниям.

Год спустя настойчивость тверского предводителя дворянства доведёт его до ссылки в Вятку (вопреки официальному запрету, он будет требовать продолжения дворянского обсуждения крестьянской реформы). Но осенью 1858 года Унковский и другие либералы, начавшие обсуждать выкуп земли в открытой печати, повлияли на настроение царя. Главный комитет получил новую программу: освобождать обязательно с землёй, которую крестьяне должны выкупить при помощи казённых кредитов. Так был заложен второй краеугольный камень крестьянской реформы. Дальнейшая её разработка, изобилующая напряжёнными спорами, сводилась лишь к уточнению подробностей двух основных положений:

- свобода крестьянам – бесплатно;
- крестьянский надел – крестьянам в собственность за выкуп при поддержке государства.

«Доводка» дворянских проектов

После того как губернские комитеты представили свои проекты, для их обработки и составления закона о реформе были созданы Редакционные комиссии – рабочий орган Главного комитета. (Предполагалось, что комиссий будет две, в итоге создали одну, но множественное число в её названии сохранилось).

Во главу Редакционных комиссий император поставил Я.И. Ростовцева. Современник и историк "Великих реформ" писал про Якова Ивановича: "Не отличался ни знатным происхождением, ни богатством, ни выдающимися умственными способностями и солидным образованием; в душе добрый, но далеко не твёрдый в принципах деятель николаевского пошиба". В молодости Ростовцев участвовал в Северном обществе декабристов, но накануне восстания сообщил о заговоре Николаю I. Всё николаевское царствование он добросовестно служил на второстепенных генеральских должностях, не хуже и не лучше десятков и сотен других николаевских генералов. А при Александре II, попав в члены того самого секретного комитета 1857 года, проникся идеей освобождения крестьян и стал её искренним поборником. Метаморфоза Ростовцева очень напоминает превращение, произошедшее с Ланским. По-видимому, они были не одиноки: можно говорить о целой группе государственных деятелей, для которых такое поведение типично.

Редакционные комиссии при Ростовцеве в общем следовали тем курсом, который был нужен Александру. Основным их двигателем явился Н.А. Милютин – временно исполняющий обязанности товарища (то есть заместителя) министра внутренних дел.

Милютин Николай Алексеевич (к началу работы Редакционных комиссий ему был 41 год). Из дворян не очень родовитых. Но дядя его – Павел Дмитриевич Киселёв – один из самых известных министров Николая I. Хорошее домашнее образование и связи позволили Николаю обойтись без университетов. С 17 лет служил в МВД. Отличился аналитическими записками, после чего ему стали поручать самые разные работы.

В 1846 году в возрасте 28 лет составил проект городского самоуправления в столицах. После воплощения проекта получил у "благоннадёжной" публики репутацию "красного". Репутация эта усилилась в 1856–1857 годах, когда именно Николай Милютин помогал великой княгине Елене Павловне освобождать её личных крестьян. Сам Милютин опровергал досужие домыслы: "О революционерстве позволительно было мечтать в молодости при совершенно других условиях. Ныне же, когда я успел поседеть в борьбе с произволом и неразвитостью высших слоёв нашего

общества, которое при конституционном правлении создало бы у нас деспотизм олигархии <...>; ныне, когда правительство либеральнее самого общества и вводит в свою программу освобождение крестьян, исчезает всякий оппозиционный дух". Он был далёк от социалистических идеалов и ратовал за реформы, скорее, с точки зрения дальновидного государственного деятеля.

Товарищем министра внутренних дел Николай Милютин был назначен по просьбе самого министра Ланского. Человек довольно мягкий и склонный "брать под козырёк", Ланской в вопросе об этом назначении проявил настойчивость. Александр II уступил, но прокомментировал: "Он считается опасным; во всяком случае, заставляет о себе много говорить".

В противовес Николаю Милютину главным "антигероем" Редакционных комиссий стал граф Виктор Панин. Он выдвинулся на авансцену после смерти Ростовцева в феврале 1860 года. Сторонник реформ Ланской предложил на освободившееся место себя. Но царь назначил Панина.

Панин Виктор Никитич (к началу работы Редакционных комиссий – 59 лет).

Герцен писал в траурной рамке: "Невероятная новость о назначении Панина подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакции поставлен главою освобождения крестьян". Либеральные члены Редакционных комиссий хотели (как то предлагал в "Колоколе" Герцен) даже подать в отставку – в знак протеста. В.к. Константин Николаевич насилу их отговорил.

Неправильно, однако, представлять Панина диким и необузданным. 7-я книжка "Голосов из России" полностью отведена под антипанинскую статью; её автор – либеральный тогда Константин Победоносцев. Он долго и язвительно перечисляет грехи Панина в бытность его николаевским министром юстиции, но среди них нет такого, который можно было бы привести как явный пример тупости или косности. Позади у Панина обычная служба в меру исполнительного чиновника, не выделяющегося умом, но и не дурака; думающего не о том, чтобы сделать дело, а о том, чтобы выполнить приказание.

"У меня есть убеждения, сильные убеждения. – говорил граф – Но по долгу верноподданнической присяги я считаю себя обязанным прежде всего узнавать взгляд государя императора. Если я <...> удостоверюсь, что государь смотрит на дело иначе, чем я, – я долгом считаю тотчас отступить от своих убеждений и действовать даже совершенно наперекор".

Панин действительно готов был выполнять всё, что поручат. Но делал он это с выгодой для себя. А выгода состояла, во-первых, в высокой должности (для получения которой надо исполнять поручения, а не спорить). А во-вторых, в материальном достатке, т.е. прежде всего в крестьянах и землях. Поэтому он сделал всё, чтобы ограничить проект реформы, лишаящей его и ему подобных крестьянской даровой рабочей силы. Каждый пункт теперь приходилось принимать с боем.

Между прочим, именно благодаря Панину в России на несколько лишних десятилетий задержались телесные наказания. Вопрос об их отмене был обсуждён и решён Редакционными комиссиями ещё при Ростовцеве: свободные люди должны быть свободны от позорного наказания. Но Панин настоял на повторном обсуждении этого вопроса. С перевесом в один голос розги как разновидность наказания для крестьян были сохранены.

Показательно, что Николай Милютин оказался в числе тех, кто на сей раз проголосовал за сохранение столь явного средневекового пережитка. Разработчики реформы двигались нехоженой тропой. Заведомо правильного шаблона у них не было. Все подробности реформы приходилось придумывать самим.

Составленный Редакционными комиссиями проект дали почитать представителям губернских комитетов (их для этого специально вызывали в столицу, запретив совещаться между собой). По итогам высказанных суждений, преимущественно консервативных, права помещиков были несколько расширены, а крестьян – урезаны. Затем проект обсуждался в Главном комитете, и снова его подправили в пользу дворян. Но остановить отмену крепостного права было уже невозможно. В феврале 1861 года чистовой проект лёг на стол императору. Что же в нём содержалось?

III. Содержание реформы

Личная свобода.

Первый пункт Положения – "Крепостное право на крестьян, водворенных в помещичьих имениях, и на дворовых людей отменяется навсегда".

Что это значит, в чём проявлялась до реформы личная зависимость крестьянина? Он не имел права никуда уйти, был обязан работать на помещика барщину или платить оброк, выполнять

любые приказания; помещик может его сослать в Сибирь, выпороть или назначить другое наказание.

Теперь всего отменялось. Но не всё исчезало сразу. Не меньше двух лет продолжалось временнообязанное состояние. В Сибирь сослать было уже нельзя, а требовать барщины или оброка – можно.

Вопрос о земле.

Размышляя над решением земельного вопроса, правительство опасалось двух крайностей. Оставить крестьян без наделной земли – несправедливо, и потому опасно; к тому же это означает заразить Россию "язвой пролетариата" (как в Западной Европе, где крестьяне уже превратились в рабочих). Лишить земли помещиков – значит оставить их без средств к существованию, что тоже опасно, ведь это опора царя.

В итоге землю решили поделить. Примерно пополам, но с возможностью манёвра по желанию помещиков. До реформы часть земли помещики обычно отдавали в наделы крестьянам, а на другой части вели (силами крестьян же) собственное хозяйство. Теперь было решено в качестве отправного варианта крестьянам отдать в собственность наделы, а помещичьи хозяйства оставить в собственности помещиков. Но помещики имели право настаивать на отрезках (забрать часть наделной земли от крестьян под своё хозяйство) либо прирезках (часть своего хозяйства отдать крестьянам под обязательный выкуп).

Отрезки оказывались выгодны в тех губерниях, где сельское хозяйство процветало, заселённость была высокой, а земля дорогой. Прирезки удобны были помещикам там, где земля стоила мало, население пробавлялось в основном ремеслом или работой на мануфактурах. В целом же (в масштабе всей страны) по итогам реформы крестьяне потеряли около 20 % земли: значит, отрезков было больше, чем прирезков.

Это стало не единственной неприятной для крестьян новостью. Другая – то, что за землю следовало платить выкуп.

Выкупная операция.

Размер выкупа вычислялся путём капитализации оброка, то есть исходя из размера оброка, который платился прежде (барщина тоже пересчитывалась на деньги). Было принято, что сумма ежегодного оброка – это 6 % от стоимости земли. Почему именно шесть процентов? Такова была обычная банковская ставка. Взяв такой выкуп, помещик мог положить деньги в банк и получать тот же годовой доход, который имел прежде от потерянной теперь земли. Таким образом, смысл капитализации оброка состоял в том, чтобы обеспечить материальные интересы помещиков.

Рассчитанная таким путём сумма получалась слишком тяжёлой, чтобы крестьяне могли уплатить её сразу. Между тем землю они получали именно сразу, и отказаться от её получения не могли.

Чтобы помочь крестьянам расплатиться с помещиками за землю, государство приняло участие в выкупной операции. Из всей суммы лишь 20–25 % крестьяне должны были уплатить непосредственно помещику (либо отработать – по взаимной договорённости), а 75–80 % платило государство. Помещику оно платило сразу, а затем в течение 49 лет по частям взыскивало с крестьян. Таким образом, эти 80 % являли собой долгосрочную ипотечную ссуду крестьянам.

Платежи крестьян по земельному долгу получили название выкупных платежей. В течение 49 лет крестьяне должны были выплатить сумму, втрое превышающую цену земли, ведь в выкупные платежи закладывалась и плата за полувековое пользование кредитом по стандартной банковской ставке.

Сумма выкупа, размер отрезков, границы крестьянских земель – всё это оговаривалось в договоре между помещиком и общиной, он назывался "выкупной акт". Чтобы помочь крестьянам и помещикам договориться, была учреждена должность мирового посредника (несколько человек на уезд из числа дворян). Мировой посредник выступал представителем государства. Таким образом, в осуществлении крестьянской реформы участвовали три стороны: помещик, крестьянская община и государство.

19 февраля Александр подписал все законы, составлявшие крестьянскую реформу.

Вот дневниковая запись в.к. Константина Николаевича: "Великий день объявления освобождения крестьян. Утром нашёл у себя на столе отпечатанное Положение с Манифестом, который давал тут же читать некоторым. На всех он производит равно чудное впечатление... Да благословит бог новое существование России, начинающееся с сегодняшнего дня".